

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. А. АВРОРИН

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ЯЗЫКОВ У НАРОДОВ СИБИРИ

Проблемы развития национальных отношений, важным аспектом которых является взаимодействие национальных языков, имеют для нашего многонационального социалистического государства весьма существенное значение. Они в равной мере актуальны как для теории общественного развития, так и для практики строительства коммунизма. Большое внимание уделял этим проблемам В. И. Ленин, сделавший неоценимый вклад в разработку марксистской теории национального вопроса и заложивший прочные основы национальной политики Коммунистической партии. Непреходящее значение этих проблем для современности и обозримого будущего нашей страны подтверждается тем большим местом, которое они заняли в Программе КПСС.

Строительство коммунизма требует от всех его участников повышения их идейной убежденности, политической сознательности, расширения и углубления научного кругозора и общей культуры, подразумеваемая всестороннее, гармоническое развитие не только всего общества в целом, но и каждого отдельного его члена. Этим вызывается необходимость совершенствовать систему просвещения, в частности, довести обязательное образование до уровня средней школы, а также поднять эффективность пропагандистской и культурно-просветительной работы. Успех любого идеологического воздействия находится в прямой зависимости от степени доступности передаваемой информации, что в свою очередь в немалой мере зависит от того, насколько понятием применяемый при этом язык.

Не требует доказательств положение: язык, которым человек владеет в совершенстве, дает полную возможность воспринять идею любой сложности, и в то же время любая элементарная идея останется пустым звуком, когда она преподносится на недостаточно понятном языке. Степень совершенства как того, так и другого языка, равно как и прочие их достоинства, могут не играть при этом никакой роли.

В последнее время как в устных выступлениях на различных конференциях и совещаниях, так и в печати все чаще высказывается мнение о необходимости ускоренного перевода всей просветительной работы и всех звеньев образования у малых народов на языки народов более крупных. Мотивируется это тем, что все эти народы или уже перешли на языки своих более многочисленных соседей, или находятся на пороге такого перехода, якобы добровольно отказываясь от своих родных языков. Хотя это мнение и его мотивировка научно обоснованными данными подкреплены не были, тем не менее на территории Сибири в этом направлении делались уже практические шаги.

Возникла необходимость проверить целесообразность предпринятых шагов, их теоретическую обоснованность и практическую оправданность.

Для этого требовалось начать глубокое изучение функционального взаимодействия языков в общественной жизни народов Сибири.

Непосредственная задача такого изучения — выяснить фактическое распределение у каждого народа социальных функций различных языков (языка своей национальности, языка межнационального общения, языка основного населения республики, языков соседних народов и т. п.), определить реальные потребности и возможности использования того или иного языка в различных сферах общественной жизни, эффективность каждого из них, выявить реально существующие тенденции перераспределения функций языков, типы билингвизма и полилингвизма, установить влияние разных видов межъязыковых контактов, миграционных процессов и смешанных браков на языковую жизнь и т. п.

Языковая ситуация обладает известной спецификой не только у каждого народа в целом, но и у каждого его подразделения, зависящего от территории расселения, пола, возраста, социально-профессиональной принадлежности, уровня образования, родного языка и других подобных признаков. Поэтому подход к изучению названной проблемы и решение связанных с ней практических вопросов должны быть строго дифференцированными.

Публикаций по интересующей нас проблеме немало. Научная ценность большинства из них неоспорима. Вместе с тем, слабая сторона их заключается в том, что почти все они исходят из чисто субъективных впечатлений исследователей, не подкрепленных необходимым фактическим материалом, что снижает аргументированность, а порой и достоверность многих выводов и наблюдений.

Для лингвистической теории и языковой практики давно уже назрела необходимость получения достаточного по количеству и надежного по объективности и репрезентативности материала о реальном соотношении функций различных языков, прежде всего родного и русского, во всех сферах современной жизни каждого из нерусских народов нашей страны со всеми отмеченными выше подразделениями.

Судя по литературным данным, до недавнего времени такой материал в нужном объеме никем не собирался. Совершенно нетронутой оставалась также методика сбора и обработки подобного рода материала. Первая, насколько мне известно, попытка делается сейчас на территории Сибири. Как всякое первое начинание, она сопряжена с немалыми трудностями. Несомненно, что дело не обойдется без каких-то просчетов, огрехов и ошибок. И все же первый опыт сибиряков может оказаться поучительным. Ему и посвящается настоящая статья.

Идея проведения широкого обследования языковой жизни Сибири, на первых порах только ее коренных народов, причем наиболее характерной и массовой их части — сельского населения, возникла в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР еще в 1964 г. Осуществление этой идеи вначале взяла на себя группа языковедов и этнографов в составе пяти — шести человек. Постепенно число участников обследования росло. В него вовлекались расположенные на территории Сибири исследовательские институты и вузы, а также отдельные сотрудники Институтов этнографии и языкознания АН СССР. Активное участие в работе, особенно на первых ее этапах, принимали руководящие работники ЦСУ РСФСР, Сектора Крайнего Севера Совета Министров РСФСР, Академии педагогических наук.

На подготовительном этапе необходимо было, прежде всего, сформулировать основные цели обследования и методические принципы его проведения. Главные цели обследования, связанные с чисто лингвистической стороной дела, были коротко охарактеризованы выше. Но поскольку

ку выяснение языковой ситуации немыслимо вне связи с целым рядом иных специальных условий, представлялось целесообразным попутно выяснить роль языкового фактора в этнических процессах, структуру населения по полу, возрасту, занятости в общественном производстве, его социально-профессиональную дифференциацию, состояние культурного уровня и образования, ход миграционных процессов, характерные типы семьи, тенденции физического прироста населения, процессы метисации, этнической ассимиляции и т. п. Все эти сведения необходимы для лингвистов, занимающихся изучением социологического аспекта языковой действительности. Но они представляют интерес также для специалистов в области смежных дисциплин: истории, этнографии, демографии, педагогики. Вместе с тем, необходимо было предусмотреть накопление материала для решения ряда практических вопросов, связанных с установлением степени эффективности того или иного языка как средства общения, обучения, пропаганды и удовлетворения эстетических потребностей.

Необходимость получить массовый материал, отражающий языковую ситуацию, а также ее оценку и пожелания со стороны населения, определила методику сбора информации. Из ассортимента методических приемов, разработанных социологами и апробированных в ходе многочисленных массовых обследований, выбор пал на метод анкетирования, при котором каждому обследуемому предлагается определенный набор вопросов, один и тот же для всех, требующий простых, стандартных, коротких ответов. Соотношение сумм различных ответов на каждый отдельный вопрос должно дать представление о той или иной стороне или детали изучаемого явления, а корреляции между ответами на разные вопросы — выявить причинные связи между этими явлениями, их сторонами и деталями.

Следующий этап подготовительной работы был связан с выработкой текста анкеты и инструкции к ней, с их проверкой на практике и широким обсуждением в компетентных учреждениях. На основе первоначального варианта анкеты в 1965—1966 годах проводились пробные обследования на территории Бурятской АССР, Горно-Алтайской автономной области и в некоторых районах расселения чукчей, нанайцев и тофов (тофаларов). Им было охвачено более 4 тысяч человек. Это позволило отработать методику сбора материала, дать ему первоначальную оценку путем сопоставления с данными текущей статистики, уточнить организационные вопросы, внести коррективы в текст анкеты и инструкции.

Окончательный вариант анкеты имеет некоторые существенные отличия от аналогичного «инструментария», обычно применяемого при конкретных социальных исследованиях. Анкета имеет семейно-индивидуальный характер: она рассчитана на целую семью, но для ответов каждого отдельного члена семьи имеется особая колонка, в заголовке которой указывается отношение данного лица к главе семьи (жена, отец, мать, сын, дочь и т. п.). Таким образом, ответы всех членов одной семьи сосредоточены на одном листе, но ответы каждого из них при обработке легко вычлениваются. Семейный характер анкеты дает нам ценную информацию о структуре семьи, о характере и тенденциях изменения в ее рамках языковой ситуации.

Анкета содержит четыре группы «закрытых», или обязательных, вопросов. Первая группа — адресная (республика, край, область или округ; район; сельсовет; населенный пункт). Вторая группа — паспортная, устанавливающая следующие признаки: национальность, пол, возраст, образование, место работы, род деятельности, время проживания в дан-

ной местности, родной язык. Третья группа имеет целью выяснить степень владения тем или иным языком (родным, русским, каким-либо иным, одним или несколькими), а также употребительность различных языков. Задаются вопросы: на каких языках, помимо родного, информант может понимать чужую речь, или также и разговаривать, или также читать и писать; на каком языке говорил до поступления в школу; на каком языке начал обучаться в школе; на каком языке обычно говорит в семье с детьми-дошкольниками, с детьми-школьниками, со взрослыми, на работе или в школе, в прочих случаях с людьми своей национальности и с людьми иных национальностей; на каком языке понятнее читать, слушать лекции, доклады, концерты и спектакли; нужны ли пояснения на родном языке к кинофильмам; на каком языке удобнее выступать на собраниях; на каком языке информант пишет или диктует письма людям своей национальности и людям иных национальностей. Четвертая группа выясняет пожелания информантов в отношении использования тех или иных языков: на каком языке следует говорить с детьми в дошкольных учреждениях; на каком языке вести обучение в первом классе, в других классах начальной школы, в средней школе; нужно ли преподавать родной язык как предмет в школе и в средних специальных учебных заведениях. Кроме перечисленных «закрытых» есть также и «открытые» вопросы, ответы на которые даются информантами в свободной форме, когда они хотят что-либо добавить от себя к ответам на вопросы анкеты. Здесь имеются в виду прежде всего пожелания в отношении языка книг, местной периодической печати, культурно-просветительной работы, а также выяснение степени понятности литературы на родном языке, если таковая издается.

Составляя текст анкеты, мы стремились к тому, чтобы она была достаточно универсальной, дающей нужную нам по характеру, объему и убедительности информацию и в то же время доступной и простой для заполнения, требующей по возможности однословных, стандартных ответов, ибо в противном случае обработка материала была бы очень затруднена. Дальнейшая работа по анкете показала, что эти цели в основном были достигнуты. Выяснилась, вместе с тем, и слабая сторона анкеты, а именно то, что для суждения о степени владения тем или иным языком она достаточных сведений не дает, затрагивая эту проблему лишь поверхностно. А между тем это очень важно. Особенно важно выяснить степень овладения русским языком, поскольку это не только язык межнационального общения, но и родной язык подавляющего большинства (свыше 80%) населения Сибири. Но это была в известном смысле «запланированная» слабость, так как заранее было видно, что нужной глубины в этом отношении достигнуть при анкетном обследовании не удастся. Здесь скорее подошел бы более сложный метод интервьюирования с применением тестов, для осуществления которого мы не располагаем нужными силами. Такое крайне необходимое исследование приходится отнести к более позднему времени.

Известны два основных типа анкетного обследования: сплошное и выборочное. Сплошное обследование, конечно, надежнее, но оно излишне громоздко (в Сибири им нужно было бы охватить около миллиона человек) и практически неосуществимо. К тому же степень его надежности немногим выше, чем при выборочном обследовании. Уже при двухпроцентной выборке размеры возможной погрешности составляют столь незначительную величину, что практически ею вполне можно пренебречь. Все же было решено несколько повысить средний процент выборки по сравнению с обычным у социологов. Вместо 1—2 процентов мы поначалу остановились на 5—6 процентах. Но это относилось ко всей совокупности коренного

населения Сибири. Распространить этот принцип на каждый отдельный народ оказалось невозможным ввиду большого расхождения количественных показателей. Наряду с относительно крупными народами, такими как буряты (253 тыс. чел.¹), якуты (237 тыс. чел.), тувинцы (100 тыс. чел.), в Сибири есть народы, насчитывающие всего лишь несколько сотен человек, например, алеуты, юкагиры, негидальцы, ороки, энцы (каждый около 400 чел.), орочи (около 500 чел.), тофы (около 600 чел.), нганасаны (750 чел.). При пятипроцентной выборке у народов малочисленных обследование нужно было бы распространять всего на 20—40 человек. В низших рубриках необходимой для нас последовательной классификации информантов по полу, возрасту, образованию, роду деятельности и т. п. в этом случае могло бы не оказаться ни одного человека или оказались бы единицы. Полученная информация неизбежно носила бы случайный и малоубедительный характер.

Во избежание указанных недостатков для обследуемых народов устанавливался неравный процент выборки, обратно пропорциональный количеству населения. Все подлежащие обследованию народы разбиты на семь групп с определенным для каждой из них процентом выборки: 1) свыше 200 тыс. чел. (буряты и якуты) — 2,5%; 2) 40—100 тыс. чел. (тувинцы, хакасы и алтайцы) — 5%; 3) 15—25 тыс. чел. (эвенки, ханты, сибирские ненцы, сибирские коми и шорцы) — 10%; 4) 9—12 тыс. чел. (чукчи и эвены) — 15%; 5) 3—8 тыс. чел. (нанайцы, манси, коряки, селькупы и нивхи) — 25%; 6) 1—3 тыс. чел. (ульчи, удэгейцы, эскимосы, долганы, ительмены и кеты) — 50%; 7) менее 1 тыс. чел. (нганасаны, тофы, орочи, юкагиры, энцы, алеуты, ороки и негидальцы) — до 100%².

Чтобы устранить возможность предвзятого отбора объектов при выборочных обследованиях, обычно берется вся территория, каждый расположенный на ней населенный пункт и в них обследуются дома или квартиры по порядку с пропуском нужного их числа, т. е. при 50% выборки — через дом, при 10% выборки — через 9 домов и т. п. Такой принцип оказался неприемлемым ввиду большой распыленности коренного населения Сибири и кочевого образа жизни значительной его части. Нам пришлось избрать иной путь — отбор некоторого числа районов, а в каждом из них — некоторого числа населенных пунктов с населением, несколько превышающим установленный процент выборки, чтобы обеспечить возможность выбраковки дефектного материала. В каждом таком населенном пункте обследованием охватывается по возможности все население, все семьи, включающие хотя бы одного представителя коренных народов. Так мы комбинировали районированную выборку со сплошным обследованием. Репрезентативность выборки обеспечивается отбором той части населения, которая во всех интересующих нас отношениях типична для данного народа в целом, иначе говоря, выборка совпадает с генеральной совокупностью по всем показателям, кроме объема. Типичность районов и населенных пунктов устанавливается на основе данных текущей статистики, имеющихся на местах.

Для обеспечения максимальной объективности результатов обследования необходимо если не полностью устранить возможность давления на информантов со стороны обследующих (практически это едва ли достижимо), то во всяком случае свести такую возможность к минимуму. С этой целью инструкция предписывает анкетерам определенную линию поведения во время работы: записывать только ответы опрашиваемых;

¹ По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.

² Так называемые «сибирские татары», отдельные группы которых могут быть отнесены к числу аборигенов Сибири, по разного рода причинам в круг обследуемых народов пока не включаются.

в случае затруднений допустимо перечисление возможных ответов, но категорически запрещены какие бы то ни было подсказки.

Возможность получения неспровоцированных разумных ответов в значительной мере зависит от того, насколько понятны информантам цели обследования. Анкетерам вменяется в обязанность в каждой семье перед заполнением анкеты дать необходимые разъяснения (в случае надобности на родном языке) в соответствии с текстом инструкции. Паряду с этим рекомендуется проводить в каждом населенном пункте беседы с населением, использовать местную периодическую печать и радио. Кроме того, объективность и разумность ответов в известной мере контролируется самой анкетой, которая содержит ряд вопросов, ответы на которые поддаются перекрестной проверке. Обнаружив несовместимые ответы на разные вопросы, полученные от одного и того же лица, можно произвести выбраковку недоброкачественных анкет. Этим крайним средством мы пользуемся лишь в исключительных случаях, когда очевидна вопиющая противоречивость ответов, — вообще же ошибки в ту или иную сторону при столь массовых обследованиях должны выравниваться согласно закону больших чисел.

Вся территория Сибири разбита для целей обследования на следующие зоны, в которых общее руководство обследованием закреплено за определенными лицами из числа сибирских лингвистов, этнографов и историков: а) северо-западная — Ю. Б. Стракач, б) юго-западная — В. М. Надежлов и П. Ц. Биткеев, в) дальневосточная — С. И. Оленко и В. А. Аврорин, г) бурятская — А. Р. Бадмаев, д) якутская — Е. И. Убрятова и Н. Е. Петров, е) тувинская — Н. А. Сердобов и П. Ц. Биткеев.

Для каждого обследуемого района, группы районов, национального округа, области или края выделяются консультанты организаторы. По приезде в местный административный центр они устанавливают контакт с партийными, советскими, культурными и статистическими организациями. Вместе с ними производят отбор подлежащих обследованию районов и населенных пунктов, при их содействии подбирают из числа местной интеллигенции нужное число анкетеров, проводят с последними подробный инструктаж, включающий пробное заполнение анкет, разъясняют через печать, радио и путем бесед с населением цели обследования, консультируют и контролируют действия анкетеров.

Местные организации почти повсеместно проявили должное внимание к обследованию и оказали нам весьма существенную помощь. Население же везде относилось к нашей работе с большим одобрением и ответственностью.

Сбор анкетного материала начат в 1967 г. Географический ареал обследования весьма внушителен. Он простирается от левых притоков Оби до Чукотского полуострова и от побережья Северного Ледовитого океана до Алтая и Сихотэ-Алиня. Достаточно обширны и этнические рамки обследования — к началу 1969 г. было в той или иной мере охвачено из 31 коренного народа Сибири 28, причем собрано достаточно количество материала по 22 народам, в том числе по таким наиболее крупным, как буряты, якуты, тувинцы и алтайцы, составляющим три четверти всех коренных жителей Сибири. Не было охвачено обследованием три народа: хакасы, шорцы и алеуты. Алеуты в пределах СССР всего около 400 человек, и для них проблемы соотношения функций разных языков по сути дела давно не существует. Родным в прямом смысле слова для них стал русский язык. Алеутским же языком почти никто в повседневной жизни уже не пользуется. Помнят его лишь отдельные представители старшего поколения. Тем не менее, меры для их обследования в 1969 г. принимались. Анкетирование хакасов (около 60 тыс. чел.) и шорцев (около 15 тыс.

чел.) намечалось на 1969 г. К концу года эта задача была выполнена. Лишь по сибирским ненцам, энцам, нганасанам материала было собрано меньше, чем планировалось.

Всесоюзной переписью населения 1959 г. было зарегистрировано 840 тыс. чел., относящихся к коренным народам Сибири, в том числе сельского населения 714 тыс. чел. Исходя из общей пятипроцентной выборки сельского населения, надлежало охватить обследованием 36 тыс. чел. В собранных к началу мая 1969 г. анкетах имеются ответы 42 тыс. чел., что составляет уже не 5, а почти 6 процентов интересующего нас населения. Этот лишний процент образуется превышением нормы по отдельным народам, в том числе таким крупным, как якуты и тувинцы. Но превышение количества анкет по одним народам никак не компенсирует недобора по другим. Поэтому в течение 1969 г. было охвачено обследованием еще около 8 тыс. чел. Общее число информантов при этом достигло 50 тыс. чел., т. е. 7 процентов коренного сельского населения.

Обработка анкетного материала может производиться разными способами — как вручную, так и с применением различных счетно-решающих устройств. Выбор того или иного способа, естественно, определяется объемом материала, характером задач, наличием реальных возможностей и допустимыми сроками обработки. Нам приходится иметь дело с массовым материалом большого объема — с ответами 50 тыс. информантов на 38 вопросов анкеты, т. е. почти с двумя миллионами единиц исходной информации. При этом нас интересует не только суммирование определенных количеств, но только разбие неких множеств на их составляющие, но, что важнее всего, еще и установление корреляций между характером ответов на вопросы анкеты и принадлежностью информанта к той или иной категории по месту жительства, национальности, полу, возрасту, образованию, роду деятельности и т. д. Поэтому мы остановились на электронных вычислительных машинах, имеющихся в Вычислительном центре Сибирского отделения АН СССР. Наш материал в необработанном виде не выдерживает длительного хранения. Через год-два он утрачивает значительную долю своей ценности, особенно для решения вопросов языковой практики, так как языковая ситуация в наших условиях год от года меняется. Это было еще одним и, пожалуй, решающим доводом в пользу ЭВМ.

Материалы пробного обследования алтайцев, проведенного в 1965 г., были в виде опыта обработаны на машине М-20. Это позволило группе математиков-программистов Института истории, филологии и философии СО АН СССР выработать и уточнить программу, по которой сейчас ведется обработка материалов обследования.

Был составлен ассортимент кодовых знаков в восьмеричной системе счисления, обеспечивающий обозначение каждого возможного ответа на любой вопрос анкеты. Закодированный материал переносится на кодировочные бланки, а с них — на перфокарты, которые после прохождения через контрольные вводятся в ЭВМ.

Подготовка материала к вводу в машину и машинная обработка идут крайне медленно. Объясняется это нехваткой лаборантов для кодирования и перфорирования, а также отсутствием у Института специальных средств на оплату дорогостоящего машинного времени. При благоприятных условиях всю эту работу можно было бы проделать всего за три — четыре месяца, а она тянется уже около двух лет.

Полученные из машины результаты будут преобразованы в таблицы, макеты которых вчерне составлены. Одна из серий таблиц покажет распространение многоязычия в различных группах каждого народа по полу, возрасту, образованию и роду занятий, а также роль школы в сло-

жении многоязычия. В другой серии таблиц будет показано место различных языков в семейном общении с детьми и взрослыми, в общении на работе и в прочих случаях с разбивкой участников общения на перечисленные выше группы с добавлением территориальных подразделений, групп по типу семьи (однородные и смешанные по национальному составу), по родному языку и по языку обучения в школе. В таком же порядке и с теми же группировками населения будут представлены ответы на вопросы о том, на каком языке понятнее читать печатный текст, легче усваивать устную речь, воспринимать произведения речевого искусства, удобнее выступать на собраниях, вести переписку, каковы пожелания в отношении языка общения в детях в дошкольных учреждениях, языка обучения в школе и относительно преподавания родного языка как предмета. Таковы в очень кратком изложении те чисто лингвистические задачи, которые могут быть поставлены перед обработкой анкетного материала. Особые серии таблиц будут содержать данные для выяснения ряда вопросов демографического и этнографического характера.

Свод таблиц, заключающий в себе весьма внушительный объем массовой и объективной информации, как можно думать, послужит надежной базой для многочисленных и самых разнообразных теоретических исследований и практических рекомендаций в интересующей нас области.

Самый факт проведения социолого-лингвистического обследования, когда еще не были известны даже предварительные его итоги, уже сыграл известную роль в текущей языковой политике, касающейся ряда малых народов Крайнего Севера нашей страны. За последние годы, к сожалению, родные языки некоторых малых народов мало применялись или почти вовсе перестали применяться в школьном обучении, политико-воспитательной и культурно-просветительной работе. Несомненный и бесспорно положительный факт широкого распространения русского языка как средства межнационального общения и овладения высшими достижениями социалистической и мировой культуры некоторыми практическими и научными работниками был односторонне расценен как признак отмирания национальных языков малых народов. Поводом к тому была недостаточно достоверная информация о фактическом состоянии дела. Ход нашего обследования дал возможность руководящим работникам ряда национальных округов Сибири взглянуть на языковую ситуацию иными глазами. По их инициативе правительственные органы РСФСР решили вопрос о расширении функций родных языков в жизни народов Севера, в частности, о возрождении преподавания родных языков как предметов в школах эвенков, эвенов, чукчей, ненцев, ханты и манси. В связи с этим был проявлен интерес к результатам нашего обследования. Срочно был вручную произведен обсчет по небольшому числу народов и вопросов анкеты. Ниже приводятся предварительные результаты этого подсчета.

По северо-западной зоне Сибири обработаны два вопроса (пожелания о языке обучения в школе и о преподавании родного языка как предмета) по восьми народам (сибирские ненцы, нганасаны, селькупы, ханты, манси, кеты, западные эвенки, долганы). Следует иметь в виду, что у сибирских ненцев, у большинства территориальных групп ханты, у долган, селькупов, кетов и нганасанов родной язык по разным причинам никогда не использовался ни как язык преподавания, ни как предмет изучения. Только эвенки, манси и часть ханты имеют возможность сравнивать преподавание на родном языке с преподаванием без него. Результаты опроса в процентах видны из табл. 1.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что значительная часть информантов воздержалась от ответа на вопросы, ссылаясь на свою

Таблица 1

Наименование народа	Родной язык как язык обучения			Родной язык как предмет		
	за	против	нет ответа	за	против	нет ответа
ханты	28,0	52,0	20,0	50,5	29,0	20,5
манси	22,0	54,0	24,0	34,5	37,5	28,0
ненцы	16,0	49,5	34,5	32,5	31,0	36,5
долганы	49,0	47,0	4,0	87,5	9,5	3,0
эвенки	46,0	39,0	15,0	77,0	6,0	17,0
селькупы	18,5	65,0	16,5	33,0	40,0	27,0
кеты	39,5	58,0	2,5	55,0	25,0	20,0
нганасаны	12,5	66,5	21,0	59,0	15,0	25,5

неосведомленность. Часто приходилось слышать такую фразу: «Вы люди ученые, вам виднее. Если вы не знаете, как лучше, то откуда же нам-то знать!» Меньше колебаний проявили долганы, эвенки, кеты и больше всего их у ненцев, манси и нганасанов. В пользу родного языка как средства обучения высказалась большая часть давших ответы эвенков и долган и значительно меньшая часть ненцев, селькупов и нганасанов. У остальных народов высказалась определенно «против» примерно половина опрошенных. Нескольку иначе обстоит дело с ответами на второй вопрос. Здесь процент колеблющихся еще выше. Больше всего их у ненцев, манси и селькупов и меньше всего у долган и эвенков. Число информантов, давших отрицательный ответ, ни у одного народа не превышает 40%, тогда как количество ответивших положительно у пяти народов из восьми (долганы, эвенки, нганасаны, кеты и ханты) превышает половину; меньше половины составляют они только у тех народов, которые дают наибольший процент колеблющихся. Иначе говоря, если за родной язык как средство обучения высказалась меньшая часть опрошенных, то за родной язык как предмет преподавания высказалось значительное большинство.

По дальневосточной зоне обработаны ответы на четыре вопроса, данные чукчами, эскимосами, нанайцами и народами Сахалина (нивхами, ороками и эвенками). Вопросы такие: 1) на каком языке (языках) Вы обычно говорите в семье с детьми-дошкольниками; 2) на каком языке, по Вашему мнению, лучше обучать детей на первом году обучения; 3) считаете ли Вы нужным, чтобы учащиеся изучали родной язык как предмет в школе; 4) то же в средних специальных учебных заведениях.

В чукотских семьях с детьми говорит только на родном языке 46% опрошенных, на родном и русском — 32%, только на русском — 22%. Иначе говоря, родной язык, один или в сочетании с русским, используют для этой цели 78% давших ответ, а русский, тоже один или в сочетании с родным, — 54%. У эскимосов, хотя они и живут попеременно с чукчами, картина совершенно иная. Здесь говорят с детьми на родном языке только 19%, на родном и русском — 22%, только на русском — 59%; таким образом, 41% использует родной язык, а русский — 81%. У народов Сахалина при общении с детьми, как и у эскимосов, господствует русский язык. Родной язык используют лишь 24%, тогда как русский — 76%. У нанайцев говорят с детьми только на родном языке 47%, на родном и русском — 28% и только на русском — 25%, т. е. используют родной язык 75% (среди нанайцев, проживающих в Нанайском районе, где сосредоточено около половины их общего числа, — 84%), используют русский язык 53% (в Нанайском районе — 47%). Выделение нанайцев, проживающих в Нанайском районе, из их общей массы имеет целью показать влияние на

ответы многолетнего использования в этом районе родного языка в школе и в других видах просветительной работы. В прочих районах расселения той же народности родной язык функционировал лишь в сфере семейно-бытового общения³.

Приведенные данные говорят о том, что почти в половине чукотских и нанайских семей в общении с детьми русский язык вовсе не применяется. Естественно, что у детей, когда они приходят в школу, чаще всего отсутствуют достаточные навыки в пользовании русским языком. Иное положение в семьях эскимосов и народов Сахалина. Здесь почти все говорят с детьми на русском языке. Поэтому, приходя в школу, дети, как правило, владеют русским языком, хотя, по отзывам местных учителей, далеко не в той мере, как их русские сверстники.

Охарактеризованная ситуация отразилась на пожеланиях информантов в отношении языка обучения в школе. За использование родного языка высказался 71% чукчей, 63% эскимосов, 42% нанайцев (в Нанайском районе — 53%) и лишь 5% у народов Сахалина. За преподавание же родного языка как предмета в школе высказалось 95% чукчей, 97% эскимосов, 73% нанайцев (в Нанайском районе — 77%) и даже на Сахалине за это высказалось 69% опрошенных. Преподавание родного языка в средних специальных учебных заведениях считает целесообразным 80% чукчей, 89% эскимосов, 54% нанайцев (в Нанайском районе — 65%) и 58% на Сахалине.

Можно привести некоторые данные о пожеланиях в отношении языка начального обучения также и по более крупным народам Сибири. Среди алтайцев, например, 60% считают предпочтительным начинать обучение в школе на родном языке, 25% — на родном и русском, 15% — только на русском. Из тувинцев 84% высказались за родной язык, 12% — за сочетание родного и русского языков и 4% — за преподавание только на русском языке.

Результаты обследования, несмотря на их еще предварительный и отрывочный характер, убедительно свидетельствуют о том, что русский язык завоевывает в жизни народов Севера, как и других народов Сибири, все более прочные позиции, но, вместе с тем, родные языки у подавляющего большинства коренного населения продолжают сохранять свою важную роль в различных сферах общественной жизни.

Полученные нами данные неопровержимо доказывают беспочвенность встречающихся в лингвистической литературе утверждений о том, что малые народы будто бы охотно отказываются от своих национальных языков и своей письменности. Бесспорная истина состоит в том, что все эти народы сознательно стремятся к овладению русским языком, чтобы иметь возможность общаться с представителями любого другого народа нашей страны, получить специальное образование, повысить уровень своей культуры. Но тем не менее они вовсе не хотят, чтобы их родные языки бесследно исчезали. Об этом убедительнее всего свидетельствует то, что более половины информантов среди перечисленных выше народов высказывается за родной язык как средство обучения и более четырех пятых — за него же как предмет школьного преподавания.

Весьма показателен почти стереотипный ответ информантов на вопрос относительно мотивов их пожелания о преподавании родного языка. Почти все, кому такой вопрос задавался анкетерами, говорили, что они не хотят, чтобы их дети забывали язык своих предков. Красноречивы так-

³ Интересно отметить, что значительная часть нанайской интеллигенции — выходцы из Нанайского района. Среди наших информантов-нанайцев 1,2% имеет высшее или незаконченное высшее образование. Три четверти из них до поступления в вуз учились в школах Нанайского района.

же ответы на «открытые» вопросы анкеты. В них многие высказывают пожелания относительно более широкого использования родного языка в местной прессе, в радиопередачах, в художественной самодеятельности, говорят о желательности издания на родном языке книг, как для детей, так и для взрослых, в первую очередь произведений местных авторов и фольклора. Только среди нанайцев такие пожелания были высказаны более чем в трехстах семьях.

Обследование близко к завершению. Его результаты послужат достаточной базой для синхронного описания языковой и этнической ситуации у народов Сибири, характерной для момента исследования. Если их сопоставить с материалами переписей населения и текущей статистики, то можно будет в известной степени судить и о динамике соответствующих процессов. Но эти сопоставления неизбежно будут иметь отрывочный и случайный характер ввиду различия программ, положенных в основу сбора информации. Для подлинно научного исследования динамической стороны дела необходимо периодическое повторение социолого-лингвистических обследований на тех же территориях, у тех же народов и по одной и той же анкете. По-видимому, их целесообразно повторять через каждые 5—6 лет. Только тогда можно будет уверенно и обоснованно судить о направлениях и динамике интересующих нас процессов.
